

СМЕНА

ИЮЛЬ 05

36 Жена олигарха — кто вы?

124 Женить ловеласа

10 Игривый мэтр

138 Маленькая и дорогая!

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил Кизилов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башнев Мансим
Вартамян Галина
Исмагилова Олеся
Калинина Людмила
Ним Александр
Молчанова Наденда
Подольяк Нирилл
Подорванова Светлана
Силакова Марина
Фомина Светлана
Чейшвили Владимир

2005
ИЮЛЬ (1689)

Сдано в набор 15.05.2005.
Подписано к печати 20.06.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 11833
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской
Федерации по печати.

Per. № 014832.

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2005.

ИЮЛЬ 2005

наследие веков

Игорь Опарин

4 Загадочная Каппадокия

Ирина Опимах

10 Жан Оноре Фрагонар

издалека

Любовь Русева

26 Мудрец

детектив

Светлана Бестужева

36 Одинокая волчица

▼ стр. 152

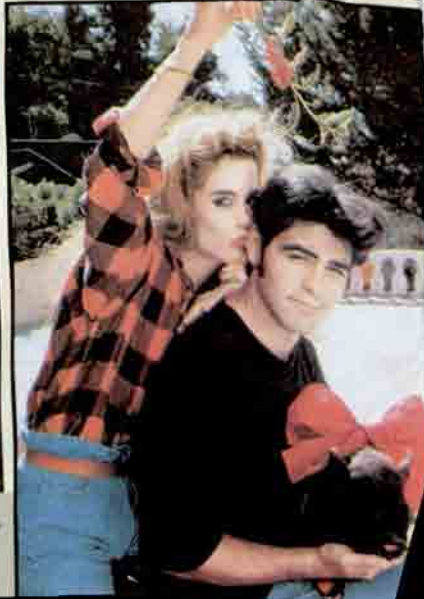
стр. 180 ►

стр. 174 ►

стр. 124 ►

зарубежный рассказ

Эдвард Хох

110 Убийство в закрытой комнате

звезды мирового экрана

Владимир Нислов

124 Вечный жених без амбиций

◀ стр. 10

▼ стр. 26

молодой бульвар

Денис Логинов

138 Сделано в Бельгии

Татьяна Ермакова

144 О джазе, девушках и глине

Макс

148 Нечастый гость рабочего стола

Ирина Белокурская

152 Город мастеров

Павел Ганин

157 Работай, студент!

Татьяна Полева

160 Посмотри свысока... на город

Полина Теслер

163 Русалки и водяные

Екатерина Постникова

168 Нет повести забавнее на свете

Ник Сигарищенко

172 Телеоборзение

Алла Пустынова

174 В будущее — в красивой одежде

Нирилл Сорокин

180 "Сказка — ложь..."

Евгения Гордиенко

182 Прививка от свекрови, или Бесценное приданое

184 Пишите Анке!

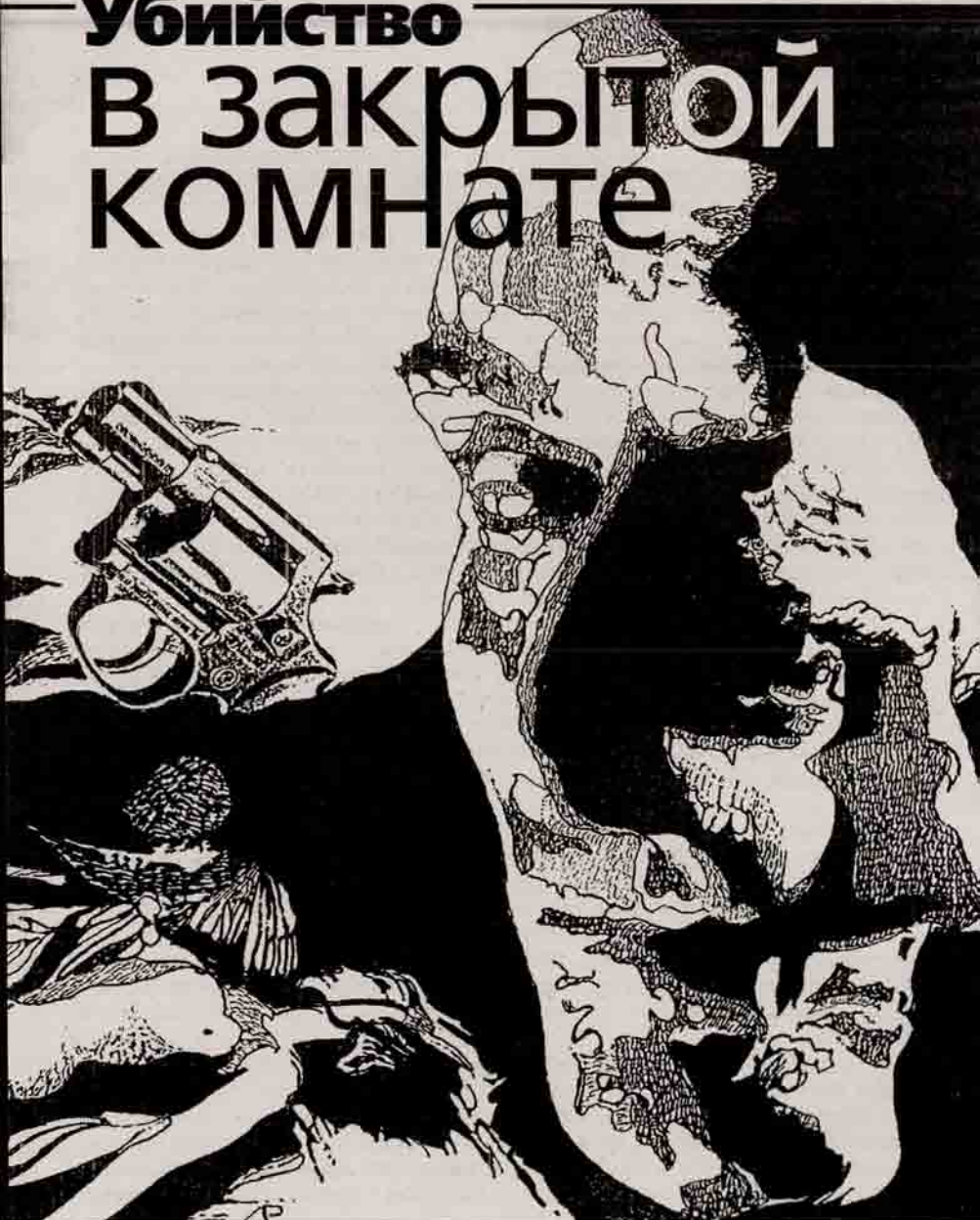
Светлана Бестужева

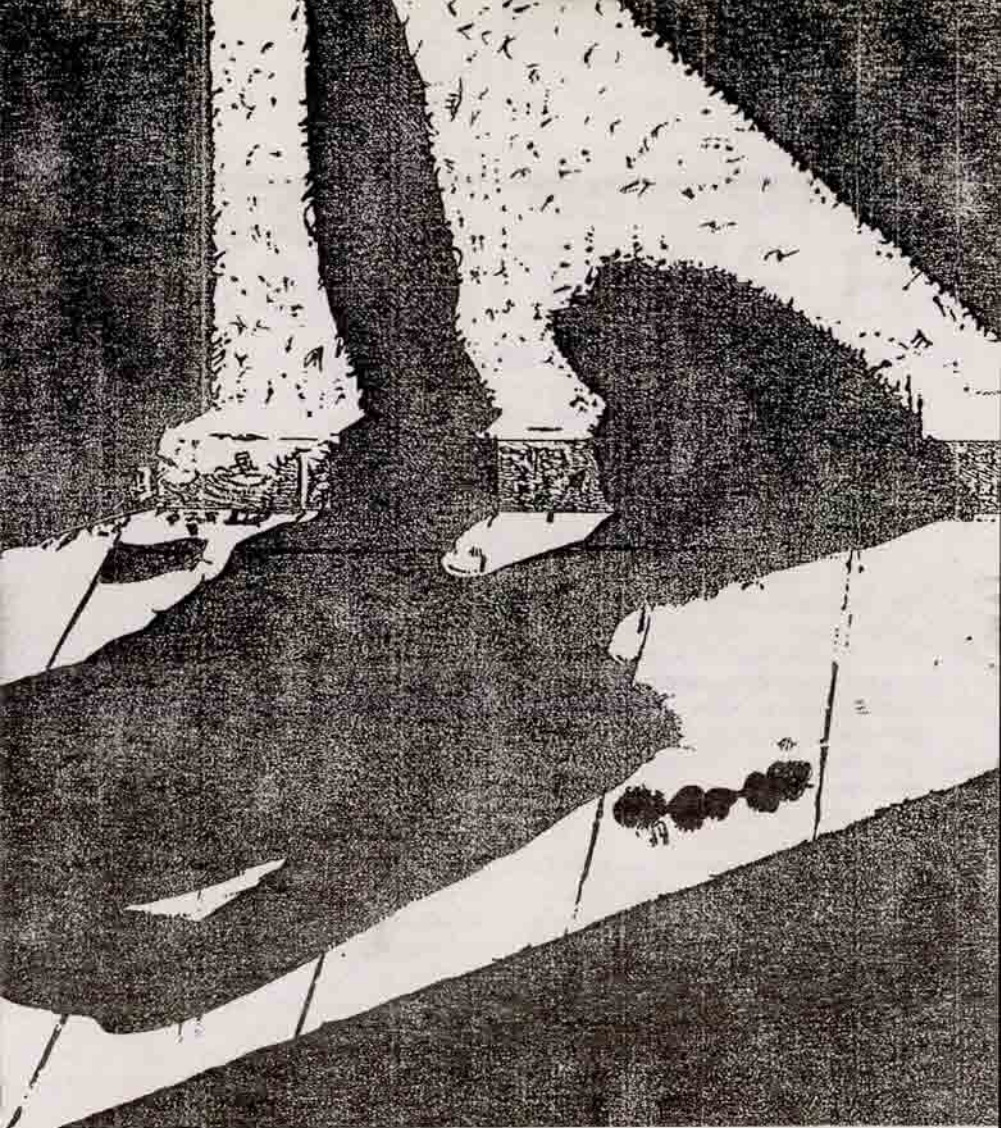
ОДИНОКАЯ ВОЛЧИЦА

Она волчица, бесконечно одинокая волчица, завидовать которой глупо, а подражать — опасно. Того пути, который прошла она, никому не пожелаешь, даже злейшему врагу. Но она прошла, она за все заплатила сполна и теперь может все, что ей захочется...

Читайте окончание романа Светланы Бестужевой "Одинокая волчица".

Убийство в закрытой комнате

■ Капитан Леопольд ни с кем не говорил о своем разводе, поэтому лейтенант Флетчер не мог не удивиться, услышав вопрос: "Я никогда не рассказывал тебе о своей жене, Флетчер?"

Они выходили из тира, расположенного в подвале полицейского управления, то есть время и место, вроде бы, не очень подходили для обсуждения давних семейных проблем. Флетчер искоса глянул на Леопольда.

— Нет, не рассказывали, капитан.

Они как раз поднялись на верхнюю лестничную площадку, и Леопольд свернул в маленькую комнатку, где наливали кофе, резали сэндвичи и стояли автоматы с прохладительными напитками. Комнату эту называли буфетом, и за несколько сто-

ликов обычно усаживались закончившие смену копы, чтобы поболтать перед тем, как разойтись по домам.

Флетчер купил кофе и поставил на стол два дымящихся стаканчика. Леопольд никогда не заговаривал с ним о личном, собственно, их связывала исключительно работа.

— Она возвращается, — выдохнул Леопольд, и Флетчер не сразу понял, о чем, собственно, речь.

— Ваша жена возвращается?

— Моя бывшая жена.

— Сюда? Зачем?

Леопольд пожал плечами, повертел пакетик с сахаром, прилагавшийся к кофе.

— Ее племянница выходит замуж. Наша племянница.

— Я не знал, что у вас есть племянница.

— Она училась в колледже. Зовут ее Викки Нельсон, и она выходит замуж за молодого адвоката по фамилии Мур. Моника приезжает на свадьбу.

— Я даже не знал ее имени, — Флетчер пригубил кофе. — После развода вы ни разу не видели ее?

Леопольд покачал головой.

— Не видел пятнадцать лет. Забавно. Она хотела стать кинозвездой, и, думаю, пятнадцать лет тому назад многие девушки стремились к тому же. Моника природа не обделила ни умом, ни красотой, но, наверное, каждый год в Голливуд приезжали сотни красавиц. Я тогда уже неплохо зарекомендовал себя на службе, и перспективы передо мной открывались самые радужные. Поэтому полагал глупостью бросить все и мчаться в Калифорнию, вслед за ее беспочвенными фантазиями. Но для нее Голливуд превратился в навязчивую идею. Дни она проводила в кинотеатрах, по вечерам смотрела фильмы по телевизору. Наконец, поскольку я по-прежнему отказывался ехать с ней на Западное побережье, она бросила меня.

— Взяла и ушла?

Леопольд кивнул.

— Просто счастье, что у нас не было детей. Я слышал, она получила несколько мелких ролей, перебивалась технической работой. Потом последовал нервный срыв. Годом позже я получил официальное известие о том, что она развелась со мной. Вроде бы, поправилась, вновь начала работать, кажется, опять вышла замуж, но и там семейная жизнь не заладилась.

— А почему она приезжает на свадьбу?

— Викки — ее племянница и крестница. Она родилась вскоре после нашей свадьбы, и Моника считает ее ребенком, который так и не появился у нас. Так или иначе, я знаю, что она по-прежнему ненавидит меня и винит за то, что жизнь у нее не удалась. Несколько лет назад она сказала подруге, что желает мне смерти.

— Вы должны идти на свадьбу, капитан?

— Конечно. Хотя радости не получу. Из-за нее. Но я должен заглянуть хотя бы на банкет. — Тут Леопольд печально улыбнулся. — Поэтому, собственно, я тебе все и рассказываю, Флетчер. Хочу попросить об одолжении.

— Готов на все, капитан. Вы же знаете.

— Ты должен поехать со мной. Я скажу им, что работаю и могу задержаться лишь на несколько минут. Если хочешь, можешь подождать в патрульной машине. Они увидят тебя и поверят моим оправданиям.

Флетчер видел, сколь важно для Леопольда его согласие.

— Конечно, капитан. С удовольствием. Когда?

— В эту субботу. Банкет во второй половине дня, в "Сансет фармз".

Леопольд бывал в "Сансет фармз" только раз, на свадьбе патрульного, к которому особо благоволил. Низкое деревянное здание замыкало асфальтовую дорогу. Из окон открывался красивый вид на заросшую лесом долину и неспешно текущую реку. Если тут и была ферма, то очень давно. Но для свадебных застолий и чествований новоиспеченных пенсионеров ресторан очень даже годился. Интерьер представлял собой огромный квадратный зал, который делился сдвижными стенами на четыре квадрата поменьше.

Для свадьбы Викки Нельсон хватило трех квадратов, четвертый отделили, и двери в него заперли на замок. Молодые, свидетели и почетные гости сидели за большим столом, остальные друзья и родственники расселись за маленькими. Леопольд вошел в зал в пять минут второго. Оркестр как раз заиграл танцевальную мелодию.

Он наблюдал, как сияющая Викки встала, и муж повел ее на танцплощадку. Тед Мур оказался старше, чем предполагал Леопольд, но, глядя на медленно скользящую пару, он подумал, что они прекрасно смотрятся вместе. Со стаканом пунша в руке он дожидался окончания танца, чтобы перехватить их на пути к столу.

— Капитан Леопольд, не так ли? — спросил мужской голос. Он уже видел это лицо, улыбку, сверкающую золотым зубом. Но очень давно. — Я Имми Фонтан, сводный брат Моника.

— Да, конечно. — Леопольд сделал вид, что хорошо помнит Имми. На самом деле, видел его раз или два, на каких-то семейных торжествах. Моника крайне редко упоминала о нем. Но золотой зуб явственно указал на то, что Моника где-то рядом, и в самом ближайшем будущем его ждет малоприятная встреча с ней.

— Мы так рады, что ты смог прийти, — послышался за спиной женский голос, и Леопольд обернулся, чтобы поприветствовать новобрачных. Викки превратилась в писаную красавицу, которая, как и полагалось молодой жене, крепко держалась за руку мужа.

— Ни за что не пропустил бы такого знаменательного события.

— Это Тед, — представила она своего супруга.

Леопольд пожал ему руку, одобрив и крепкое рукопожатие и дружелюбный взгляд.

— Как я понимаю, вы адвокат. — Леопольд не знал, о чем говорить.

— Совершенно верно, сэр. Я, в основном, занимаюсь гражданскими делами. С криминалом практически не связываюсь.

Они поболтали еще несколько секунд, прежде чем другие гости потребовали внимания молодых. До начала трапезы оставалось совсем ничего, и наиболее голодные уже выстроились у столов с едой. Викки и Тед прошли вперед, а Леопольд вновь наполнил стакан пуншем.

— Я вижу, тебя ждет машина. — Имми Фонтан вновь подошел к нему. — Нужно возвращаться на службу?

Леопольд кивнул.

— Допиваю этот стакан и еду.

— Моника вернулась с Западного побережья.

— Слышал.

Тощий мужчина с усиками случайно толкнул его, торопливо извинился, Фонтан схватил его за руку и представил.

— Доктор Феликс Турсби. Приехал вместе с Моникой. Док, познакомьтесь с капитаном Леопольдом, ее первым мужем.

Леопольд с неохотой пожал руку доктору. Нынешние кавалеры Моника его не интересовали.

— Отличная свадьба, — пробормотал он. — Вы впервые на востоке?

Турсби покачал головой.

— Я из Нью-Йорка. Правда, уехал давно.

— Когда-то я служил там в полиции, — заметил Леопольд.

Несколько минут болтовни ни о чем, и Леопольд сквозь толпу двинулся к выходу.

— Уже уходишь? — остановил его незабываемый хрипловатый голос.

— Привет, Моника. Давно не виделись.

Он смотрел на симпатичную, средних лет, женщину, вставшую между ним и дверью. Она набрала вес, особенно в груди, волосы поседели. А вот глаза удивили и испугали его. Они светились безумием, которое ему доводилось видеть во взгляде психически ненормальных преступников.

— Не ожидала, что придешь. Думала, ты меня боишься.

— Это глупо. С чего мне тебя бояться?

Вновь зазвучала музыка, очередь у столов с едой начала редеть. Но Леопольд и Моника никого не замечали, словно стояли вдвоем в пустыне.

— Отойдем. — Моника мотнула головой в сторону незадействованной четвертушки зала. — Там хоть сможем поговорить.

Леопольд последовал за ней, не зная, как отказаться. Она открыла двери, чуть раздвинула их, чтобы они могли пройти на пустующую территорию. Потом закрыла, заперла на ключ и повернулась к нему лицом.

Они стояли вдвоем в совершенно пустом помещении площадью в тридцать квадратных футов, с окнами в дальней стене и запертыми дверьми за спиной Леопольда. Он видел, как солнечные лучи пробиваются сквозь листву растущих у ресторана деревьев, слышал, как над головой мягко жужжит кондиционер. Из-за сдвижных стен приглушенно доносились голоса гостей.

— Помнишь день нашей свадьбы? — спросила она.

— Да. Конечно.

Она подошла к среднему окну, пробежалась пальцем по раме, возможно, в поисках шпингалета, чтобы открыть окно. Но не открыла, а вновь повернулась к Леопольду.

— Наша семейная жизнь вышла такой же пустой и неприглядной, как эта комната. Не принесла результата.

— Видит Бог, я всегда хотел детей, Моника.

— Ты не хотел ничего, кроме своей гребаной полицейской работы, — возразила она, и глаза блеснули закипающей злостью.

— Послушай, мне надо идти. Меня ждет патрульная машина.

— Иди! Ты всегда уходил, не так ли? Иди, иди! Иди к своей чертовой работе и оставь меня наедине с собой. Наедине с...

— Ты ушла от меня, Моника. Вспомни. — Она выглядела такой беззащитной, даже без сумочки, которую могла бы швырнуть в него.

— Конечно, ушла! Меня ждала карьера! Меня ждал целый мир! И знаешь, к чему привел твой отказ поехать со мной? Знаешь, что там со мной произошло? Они взяли мои деньги и мое самоуважение, и ту толику добродетели, которая еще оставалась у меня. Превратили меня в шлюху, а когда насытились мною, на три года засадили в психушку. На три года!

— Мне очень жаль.

— Каждый день, проведенный там, я думала о тебе. Каждый день думала о том, что будет, когда я оттуда выйду. О, я думала. И планировала. И готовилась. Ты теперь известный детектив. О некоторых твоих расследованиях пишут даже кали-

форнийские газеты. — Она вышагивала взад-вперед, загнанная в угол, опасная. — Известный детектив. Но я смогу уничтожить тебя точно так же, как ты уничтожил меня!

Через плечо он глянул на запертую дверь в поисках выхода. Действительность оказалась в тысячу раз хуже его предположений. Моника не просто обезумела, она жаждала мести и представляла опасность как для него, так и для окружающих.

— Тебе следует обратиться к врачу, Моника.

Ее глаза превратились в щелочки.

— Я уже обращалась к врачам. Я приехала сюда только потому, что рассчитывала увидеть тебя здесь. Все лучше, чем твоя квартира, или твой кабинет, или улица. По другую сторону двери — сто пятьдесят свидетелей.

— О чем ты говоришь?

Ее рот перекосила злобная гримаса.

— Ты познакомишься с тем, что узнала я — с решетками, камерами, бесчестием, и познаешь отчаяние, которое не отпускало меня все эти годы.

— Моника...

В этот момент их разделяло футов двадцать. Она подняла руку, словно защищаясь от нападения, и закричала:

"Нет! О, Боже, нет!"

Леопольд замер, превратившись в статую, и в тот же момент прогремел выстрел. Он увидел, как пуля попала ей в грудь, отшвырнула назад, словно удар гигантского кулака. Его револьвер, словно сам по себе, выпрыгнул из кобуры, оказавшись в его руке. Он развернулся к дверям — по-прежнему закрыты и заперты. В четвертушке зала только он и Моника.

Леопольд посмотрел на лежащую на полу Моника. Кровь широким кругом расплзлась от черной дыры в ее платье. Его взгляд сместился на окна. Все три целы, в стеклах ни единой трещины. Он покачал головой, пытаясь сосредоточиться на случившемся.

Снаружи поднялся шум, по двери забарабанили кулаки. Кто-то открыл замок, половинки начали расходиться все шире.

— Что произошло?

И тут же закричала женщина, увидев тело. Вторая грохнулась в обморок.

Леопольд отступил на шаг, помня о револьвере в руке. Увидел лейтенанта Флетчера, продирающегося к нему сквозь толпу гостей.

— Капитан, что это?

— Она... Кто-то ее застрелил.

Флетчер протянул руку, осторожно взял револьвер из руки капитана, поднес к носу, понюхал, откинул цилиндр.

— Из него недавно стреляли, капитан. Один раз. — Глаза лейтенанта затуманились, он едва не плакал. — Зачем вы это сделали? Почему?

Что происходило потом, Леопольд не видел. Вроде бы, кто-то осмотрел ее и сказал, что она жива. Вызвали "скорую". Флетчер отвез его в полицейское управление, в кабинет комиссара. Там он и сидел, вытирая о брючины потные ладони. Его не удивило сообщение о том, что Моника скончалась по пути в больницу. Obviously она ничего не делала наполовину.

Мужчины, детективы, которые работали под его началом, приходили и уходили. Между собой они говорили тихо, чуть ли не шепотом, некоторые выражали соболезнования. Грусть тяжелым облаком повисла в кабинете, и Леопольд понимал, что они жалеют его.

— Больше вы ничего не хотите нам сказать, капитан? — спросил комиссар. — Я готов сделать для вас все, что в моих силах.

— Я ее не убивал, — стоял на своем Леопольд. — Стрелял кто-то другой.

— Кто? Как?

— Хотелось бы знать. Думаю, она, возможно, покончила с собой, чтобы отомстить мне.

— Она застрелила себя из вашего револьвера, когда он лежал в вашей кобуре, а вы находились в двадцати футах от нее?

Леопольд провел рукой по лбу.

— Стреляли не из моего револьвера. Баллистическая экспертиза это покажет.

— Но из вашего револьвера тоже недавно стреляли, и в патроннике пустая гильза.

— Этого я объяснить не могу. Последний раз я стрелял в тире, а потом перезарядил револьвер.

— Могла она вас так сильно ненавидеть, капитан, чтобы вас обвинили в ее убийстве? — спросил лейтенант Флетчер.

— Могла. Я думаю, у нее было сильное психическое расстройство. Если в этом есть моя вина, если она повредила умом в том числе и из-за меня, тогда, наверное, я заслуживаю того, что произошло со мной сейчас.

— Черта с два, — прорычал Флетчер. — Если вы говорите, что не стреляли, я вам верю. — Он прошелся по кабинету, повернулся к комиссару. — Как насчет того, чтобы провести парафиновый тест?

Комиссар покачал головой.

— Мы давно им не пользуемся. Ты знаешь, какой он ненадежный, Флетчер. У многих людей на руках могут оказаться нитраты или нитриты. Их источником может быть грязь, удобрения, фейерверки, даже моча. Возможно, человек перебирал бобы или горох. Или просто курит. Есть более новые тесты, выявляющие наличие бария и свинца, но у нас нет необходимых химикатов.

Леопольд кивнул. Комиссар прошел все ступени полицейской иерархии. Он получил свой пост не по протекции политиков, поэтому в управлении его уважали. Уважал и Леопольд.

— Давайте подождем результатов баллистической экспертизы, — предложил он. — Она докажет мою невиновность.

Они ждали. Через сорок пять минут в кабинете комиссара зазвонил телефон. Эксперт по баллистике доложил результаты экспертизы. Комиссар слушал внимательно, задал один, потом второй вопрос. Положил трубку и посмотрел на Леопольда.

— Выстрел произведен из вашего револьвера. Ошибки быть не может. Боюсь, мы должны предъявить вам обвинение в убийстве.

По завершении так хорошо знакомого ему порядка вынесения обвинения Леопольд, выходя из зала суда, увидел Теда Мура.

— У вас же начался медовый месяц, — удивился Леопольд.

— Викки и слышать не хочет об отъезде, пока я не повидаюсь с вами и не узнаю, не нужна ли моя помощь. Я, конечно, мало что знаю об уголовном праве, но, может, смог бы договориться о залоге.

— Об этом уже позаботились, — ответил Леопольд. — Большое жюри рассмотрит дело на следующей неделе.

— Я... я не знаю, что и сказать. Викки и я ужасно сожалеем, что все так вышло.

— Я тоже, — он уже собрался уйти, но добавил: — Счастливого вам медового месяца.

— Эту ночь мы проведем в городе, в отеле "Замок". Если я вам понадобится, звоните.

Леопольд кивнул и направился к выходу из зала суда. В глазах Мура он видел отражение своей вины. Когда подходил к своему автомобилю, один из патрульных, которого он хорошо знал, коротко глянул на него и тут же отвернул глаза. В субботний вечер никому не хотелось иметь дело с женоубийцей. Даже Флетчер куда-то испарился.

Леопольд решил, что на работе ему делать нечего, тем более что комиссар отстранил его от выполнения своих обязанностей до решения большого жюри и, возможно, последующего суда. То есть кабинет ему больше не принадлежал. Он выругался про себя и поехал в свою маленькую квартиру, поглядывая в зеркало заднего обзора, — вдруг за ним установили слежку, чтобы он не удрал, плюнув на залог.

Возвращаясь домой, Леопольд попытался вспомнить, как выглядела Моника, не после, а до развода. Попытался вспомнить ее лицо в день свадьбы, ее серебристый смех в их медовый месяц. Но в памяти осталось только одно: безумные, жаждущие мести глаза. И пуля, разрывающая ее грудь.

Может, он все-таки убил ее? Может, револьвер с такой легкостью оказался у него в руке, что он этого и не заметил?

— Привет, капитан.

— Флетчер! Что ты тут делаешь?

— Жду вас. Можно войти?

— Ну...

— У меня упаковка с шестью банками пива. Я подумал, может, вы захотите поговорить.

Леопольд открыл дверь квартиры.

— О чем?

— Если вы ее не убивали, капитан, я хочу вас выслушать.

Флетчер последовал за ним на крохотную кухню, вскрыл две банки пива. Леопольд взял одну, плюхнулся на ближайший стул. Усталость горой навалилась на плечи.

— Она меня подставила, Флетчер. Да так ловко, что деваться мне некуда. Я ее не убивал, но она, похоже, позаботилась о том, чтобы мне никто не поверил.

— Давайте пройдем все шаг за шагом, с самого начала. Как я себе это представляю, возможны три варианта: вы застрелили ее, она покончила с собой, ее застрелил кто-то третий. Думаю, третий вариант мы можем исключить. В комнате три окна, все заперты и целы, в пустой комнате спрятаться негде, единственный выход — сдвижные двери. Они были закрыты и заперты. Кроме того, с другой стороны дверей находились сто пятьдесят гостей. Никто не мог отпереть двери, а потом выстрелить, не попавшись кому-нибудь на глаза.

Леопольд покачал головой.

— Но она не могла покончить с собой. Я не спускал с нее глаз ни на секунду. У нее в руках ничего не было, даже сумочки. И револьвер, из которого ее застрелили, находился в моей кобуре, на моем поясе. Я не доставал его, пока не прогремел выстрел.

Флетчер допил пиво и потянулся за другой банкой.

— Я не приглядывался к ней, капитан, но размеры дыры в платье и пороховые ожоги говорят о выстреле в упор. С этим согласен и медицинский эксперт.

Стреляли в нее с расстояния одного, максимум, двух дюймов. В ране найдены даже гранулы пороха, хотя большую их часть и вымыло кровью.

— Но в руках у нее ничего не было, — повторил Леопольд. — И перед ней никто не стоял с револьвером. Даже я находился на расстоянии двадцати футов.

— Это невозможно, капитан.

Леопольд хмыкнул.

— Невозможно... если, конечно, ее не убил я.

Флетчер разглядывал банку.

— Сколько у нас времени?

— Если большое жюри признает меня виновным в убийстве первой степени, на следующей неделе я сяду в камеру.

Флетчер нахмурился.

— Что с вами, капитан? Вы ведете себя так, словно смирились! Да на рутинном задержании вы проявляете куда большую активность!

— Наверное, ты прав, Флетчер. Из меня словно выпустили всю кровь. Похоже, она мне отомстила.

Флетчер вздохнул и поднялся.

— Тогда я ничего не смогу для вас сделать, капитан. Спокойной ночи.

Леопольд не проводил его до двери. Остался сидеть, склонившись над столом. Впервые в жизни он почувствовал себя настоящим стариком.

В воскресенье Леопольд проснулся поздно, со странным чувством, что субботние события не более, чем сон. Перевернувшись на бок, он увидел воскресную газету, валявшуюся на полу. На первой полосе крупными буквами было набрано: "Капитан полиции задержан по подозрению в убийстве бывшей жены". Сон обернулся явью.

Леопольд поднялся, принял душ, оделся. По привычке, потянулся к кобуре, но вспомнил, что револьвера в ней больше нет. Посидел за кухонным столом, уставившись в пустые банки из-под пива, гадая, чем занять день. И всю оставшуюся жизнь.

В дверь позвонили. На пороге стоял Флетчер.

— Не думал, что вновь увижу тебя, — пробормотал Леопольд, отступая в сторону, чтобы лейтенант мог войти.

Флетчер возбужденно затараторил, еще не переступив порога.

— Думаю, я что-то нарыл, капитан! Не много, но начало положено. Утром, придя в управление, я первым делом осмотрел платье, которое было на Монике, когда ее застрелили.

— Платье? — в недоумении переспросил Леопольд.

Флетчер уже разворачивал сверток, который принес с собой.

— Комиссар свернет мне шею, если узнает, но взгляните на эту дыру!

Леопольд оглядел дыру в материи, с рваными краями, потемневшими от застывшей крови.

— Большая. При выстреле в упор такое бывает. Порох сжигает ткань.

— Капитан, я видел достаточно входных отверстий, которые оставляли пули тридцать восьмого калибра. Даже те пули, что вылетали из моего револьвера. Но такой — ни разу. Черт, она даже не круглая.

— В чем ты пытаешься меня убедить, Флетчер? — Внезапно капитана осенило. Сердце учащенно забилося.

— Дыра в платье значительно больше и куда как более иззубренная, чем рана в груди, капитан. Вот о чем я толкую. Пуля, которая ее убила, не могла про-

делать такую дыру. Ни в коем разе! А это означает, что ее убили совсем не в пустой запертой комнате, как мы до сих пор думали.

Леопольд схватил телефонную трубку и набрал номер отеля "Замок".

— Надеюсь, они сегодня будут спать допоздна.

— Кто?

— Новобрачные, — и назвал телефонистке фамилию человека, с которым хотел поговорить.

Прошла целая минута, прежде чем в трубке послышался сонный голос Мура.

— Тед, это Леопольд. Извини, что потревожил тебя.

Его собеседник разом проснулся.

— Все нормально, капитан. Я же сказал вам, звоните, если возникнет такая необходимость...

— Как видите, возникла. Вы с Викки должны знать, кого приглашали на свадьбу. Спросите ее и скажите мне, сколько врачей было в списке приглашенных.

Тед Мур отсутствовал несколько минут.

— Викки говорит, что вы — второй человек, который задает этот вопрос.

— Да? А кто был первым?

— Моника. За день до свадьбы, когда она приехала в город с доктором Турсби, мимоходом спросила, не встретится ли он на банкете с другими врачами. Но Викки ответила, что врачей среди ее гостей нет. Разумеется, мы его не приглашали, но из уважения к Монике попросили прийти.

— Значит, после выстрела ее осматривал Турсби? И больше никто?

— Он был единственным врачом. Сказал, что надо вызывать "скорую", и вместе с ней поехал в больницу.

— Спасибо, Тед. Вы мне очень помогли.

— Надеюсь на это, капитан.

Леопольд положил трубку и повернулся к Флетчеру.

— Все сходится. Она работала в паре с Турсби. Можем мы объявить его в розыск?

— Разумеется. — Флетчер снял трубку и набрал номер дежурной части. — Доктор Феликс Турсби? Так?

— Да. Единственный врач на банкете, человек, который помог Монике реализовать ее безумный план мести.

Флетчер отдал короткий приказ и положил трубку.

— Они свяжутся с его отелем и доложат мне.

— Звони комиссару. Расскажи ему о наших находках.

Флетчер начал набирать, но на третьей цифре остановился.

— А есть ли, о чем докладывать, капитан?

Комиссар сидел за своим столом, явно не довольный тем, что его вытащили в управление в воскресный день. Выслушав Леопольда и Флетчера, он забарабанил пальцами по столу.

— Отъезд доктора Турсби из города едва ли служит доказательством его вины, капитан. По вашей версии получается, что женщину убили позже, Турсби застрелил ее в "скорой". Но как такое могло случиться, если револьвер уже находился у лейтенанта Флетчера? И почему сотрудники "скорой" не слышали рокового выстрела?

— Я не знаю, — признался Леопольд.

— Капитан, я готов во всем пойти вам навстречу, лишь бы вы доказали свою невиновность. Но для этого вы должны представить более весомые улики, чем дыра в платье.

— Хорошо, — кивнул Леопольд. — Вы их получите.

— Большое жюри будет рассматривать ваше дело на этой неделе, — напомнил комиссар.

— Я знаю. — Леопольд поднялся и вместе с Флетчером вышел из кабинета.

— Что теперь? — спросил Флетчер.

— Теперь мы побеседуем с Имми Фонтайном, сводным братом моей бывшей жены.

Леопольд знал, где жил Имми, хотя и не поддерживал с ним дружеских отношений. Ему принадлежал большой дом, и теплым воскресным вечером они нашли его на заднем дворе, где Имми жарил гамбургеры на углях.

— Я думал, после случившегося ты сидишь в тюрьме, — удивился Имми.

— Я ее не убивал, — спокойно ответил Леопольд.

— Само собой, — пожал плечами Имми.

— Тебя, похоже, не слишком огорчила ее смерть, — заметил Леопольд, указав на мангал.

— Я вычеркнул Монику из своей жизни пятнадцать лет тому назад, — хмыкнул Имми.

— Что ты можешь сказать о мужчине, который был с ней? Докторе Турсби?

— Если он врач, то я — сантехник! У него пальцы хирурга, признаю, но, когда я спросил его о лучевой кости моего сына, которую он сломал, катаясь на лыжах, Турсби подумал, что она находится в ноге. Да Бог с ним, меня никогда не интересовало, с кем спала Моника. Помнится, я даже не возражал, когда она решила выйти за тебя замуж.

— Рад это слышать. Где остановился Турсби, когда приехал в город?

— В "Замке", вместе с Моникой.

— Оттуда он выехал.

— Тогда не знаю, где он. Может, он даже не придет на ее похороны.

— А если я скажу тебе, что Монику убил Турсби?

Имми пожал плечами.

— Я тебе не поверю, но, в принципе, мне без разницы. Будь у тебя побольше ума, ты бы убил ее пятнадцать лет назад, когда она бросила тебя. Я бы точно убил.

— И что мы имеем, капитан? — спросил Флетчер, когда они возвращались в управление полиции. — Похоже, мы ходим кругами.

— Возможно, и ходим, Флетчер, но сейчас перед нами стоят вопросы, на которые пока нет ответов. Если мы не можем найти Турсби, придется заходить с другой стороны. Например, заняться пулей. Мы согласились, что из моего револьвера стрелять не могли. Он находился или в кобуре, или у меня в руках, когда Турсби ехал в "скорой" с Моникой. Последний раз я стрелял в тире. Есть ли вероятность, пусть и самая маленькая, что Турсби или Моника смогли завладеть одной из пуль, посланных мною в мишень?

Флетчер с ходу отменил эту версию.

— Капитан, мы оба стреляли по одной мишени. Никто не сумел бы отсортировать пули и сказать, какие выпущены из вашего револьвера, а какие — из моего. Кроме того, как они могли попасть в подвальный тир полицейского управления?

— Возможно, в управлении работает мой недоброжелатель, — предположил Леопольд.

— Ерунда! Недоброжелателей хватает у каждого из нас, но все равно такое невозможно. Если вы поверите, что против вас в управлении существует заговор, тогда надо просто заявлять, что баллистическая экспертиза — подделка.

— Но ведь что-то с ней не так. Ты видел сравнительные фотографии.

— Они в лаборатории. Давайте еще раз взглянем и на них, и на сами пули.

Флетчер отвел его в лабораторию технической экспертизы и убедил дежурного позволить им взглянуть на пули и отчет баллистика.

Леопольд склонился над микроскопом.

— Пуля, вызвавшая смерть, сильно расплющена, — отметил он, но не мог не признать, что следы, оставленные стволом на этой и на контрольной пуле, одинаковы. Затем глянул на идентификационную бирку, прикрепленную к контрольной пуле: "Контрольная пуля, револьвер "смит-и-вессон", калибр 0.38, серийный номер 2420547".

Леопольд со вздохом положил пулю на стол.

2420547.

Он выудил из кармана бумажник, нашел разрешение на ношение револьвера. "Смит-и-вессон", серийный номер 2421622.

— Я помнил, что на конце две двойки. Это не мой револьвер.

— Но именно его я взял у вас. Клянусь!

— Я тебе верю, Флетчер. Это та самая улика, которой мне не хватало. Теперь ясно, как доктору Турсби удалось убить Моника в закрытой комнате, у меня на глазах, из револьвера, который все время лежал в моей кобуре. И заодно она поможет нам найти доктора Турсби.

В ночь с воскресенья на понедельник Леопольд из своего кабинета шесть раз звонил в Калифорнию. Флетчер же сидел на телефоне в дежурной части. А ближе к полудню Леопольд, Флетчер, комиссар и сотрудник прокуратуры сели в автомобиль и поехали в Бостон.

— Ты уверен, что все просчитал? — в третий раз спросил комиссар Леопольда. — Ты знаешь, до заседания большого жюри мы не должны разрешать тебе выезжать за пределы штата.

— Послушайте, или вы мне доверяете, или нет, — отрезал Леопольд. Сидевший за рулем Флетчер позволил себе улыбнуться, но лицо прокурора осталось абсолютно серьезным.

— Все это очень уж сложно, — пробурчал комиссар.

— Моя жена — женщина непростая. И помните, она готовилась к этому пятнадцать лет.

— Изложите нам все еще раз, — попросил прокурор.

Леопольд вздохнул и начал.

— Смертельный выстрел произведен не из револьвера, который был при мне. Тот револьвер, который я вытащил из кобуры и который забрал у меня Флетчер, как-то образом сунули мне в кобурку уже на банкете, заменив им служебный.

— Каким?

— Я с этим еще разберусь. Ключ ко всему, разумеется, Моника. Она так ненавидела меня, что в своем безумии спланировала собственное убийство, чтобы отомстить мне. Спланировала ситуацию, в которой убить ее мог я и только я.

— Только безумная женщина может пойти на такое.

— Боюсь, она и обезумела... ее свело с ума желание отомстить. Она решила реализовать свой план на банкете, но я уверен, что у нее был и альтернативный вариант, на случай, если я не приду. Для реализации плана ей требовалось место, где было много свидетелей.

— Расскажи им, как она имитировала револьверный выстрел, — предложил Флетчер.

— Что ж, все получилось более чем убедительно. Я слышал выстрел собственными ушами, видел, как пуля пронзила ее, как полилась кровь. Однако в комнате, кроме нас, никого не было. Стрелять не могли ни через отверстие в стенах, ни через окно. Поэтому у полиции не могло возникнуть сомнений, что убийца — я. Тем более что пуля выпущена из револьвера, который я держал в руке.

Но я взглянул на происшедшее с другой стороны... после того, как Флетчер убедил меня, что надо искать разгадку! Я знал, что не стрелял в Монику, а, поскольку в комнате никого не было, получалось, что никто не мог в нее выстрелить! И если Моника погибла от пули тридцать восьмого калибра, выходило, что в нее выстрелили уже после того, как она покинула закрытую комнату. В больницу привезли ее труп, поэтому я высказал логичное предположение: доктор Турсби застрелил ее в "скорой". Именно он поехал с ней.

— Но вы же слышали выстрел, видели, как в нее ударила пуля!

— Это одна из двух причин, по которым Флетчер и я все утро проговорили с Голливудом. Моя бывшая жена участвовала в съемках фильмов, обычно в составе технической группы. Есть несколько способов имитировать пулевое ранение. Раньше стреляли из духового ружья, причем актер в момент выстрела находился за кадром. Теперь в вестернах и фильмах о войне используют крошечные взрывпакеты, которые размещают под одеждой актеров. Разумеется, тело защищают от ожогов, а вся взрывная сила направлена наружу. При этом разрывается и пакет с "кровью", усиливая достоверность.

— Моника так и сделала?

Леопольд кивнул.

— Звонок на ее голливудскую киностудию подтвердил, что она участвовала в съемках фильмов, по ходу которых использовалось такое устройство. Когда мы встретились, я заметил, что она сильно прибавила в груди, но не подумал, что под платьем находится взрывное устройство. Она привела его в действие, когда подняла руку и закричала на меня.

— Есть доказательства?

— Дыра в ее платье слишком велика в сравнении с входным отверстием пули тридцать восьмого калибра, даже если стреляют в упор, и края слишком зазубрены. Я должен поблагодарить Флетчера за то, что он это заметил. Утром эксперты провели анализ крови. Часть — ее собственная, остальное — куриная.

— Она была хорошей актрисой, раз провела столько людей.

— Она знала, что первым ее осмотрит доктор Турсби. От нее требовалось только одно: упасть, как только взрывпакет порвет ей платье.

— А если бы на банкете был другой доктор?

Леопольд пожал плечами.

— Они бы отложили реализацию своего плана. Рисковать бы не стали.

— А револьвер?

— Я вспомнил, что Турсби толкнул меня, когда мы впервые встретились. Взял мой револьвер и заменил его на точно такой же, но, естественно, с другим серийным номером. Из него выстрелили незадолго до банкета, чтобы развеять последние сомнения в том, что именно я убил Монику. И, выхватив револьвер из кобуры, я просто подыграл им. Сами понимаете: в комнате только я и умирающая женщина, а в моей руке револьвер, из которого только что выстрелили.

— Но как насчет пули, убившей ее?

— Полоски на поверхности пули оставляют винтовые нарезки на внутренней поверхности ствола. Если ствол гладкий, никаких полосок быть не может. Именно таким стволом воспользовалась Моника.

— Да у какого пистолета или револьвера гладкий ствол? — удивился комиссар.

— Самодельного. Точности у него никакой, но он весьма эффективен, если стрелять в упор. Из револьвера, который Турсби сунул в мою кобуру, выстрелили в подушку или во что-то мягкое, чтобы пуля осталась целехонькой. Потом вставили ее, с оставшимися на поверхности полосками, в другой патрон и выстрелили из самодельного пистолета прямо Монике в сердце. Первоначальные полоски сохранились, новых не добавилось.

— Водитель "скорой" и фельдшер не слышали выстрела?

— Они могли сидеть в кабине, поскольку с раненой ехал врач. Тем самым Турсби получил возможность снять с ее груди взрывное устройство. Покончив с этим, он наклонился над ней, вдавил дуло самодельного пистолета в кожу и выстрелил. Учтите, что в больницу "скорая" наверняка ехала с включенной сиреной.

Они уже въехали в центр Бостона, и Флетчер, следуя указаниям Леопольда, оставил машину около нужного им отеля.

— Я все-таки не верю в подмену револьверов. — Прокурор покачал головой. — Чтобы он открыл кобуру, достал ваш револьвер, положил другой, а вы ничего не заметили?

Леопольд улыбнулся.

— Такое под силу только настоящему профессионалу. Те, кто проходит по нашему управлению, называются карманниками. А их коллеги, ничуть им не уступающие, демонстрируют свое мастерство в ночных клубах или по телевизору. Поэтому я и смог его найти. Мы обзвонили всю Южную Калифорнию, пока не вышли на хорошую знакомую Монике, которая знала, что та встречалась с неким Томпсоном. Последний и отличался фантастической ловкостью рук. Мы позвонили его агенту, узнали, что в эту неделю он выступает в Бостоне, а живет в этом отеле.

— А если бы он не смог вытащить ваш револьвер? Или вы пришли бы на банкет без оружия?

— Большинство детективов не расстаются с оружием и во внерабочее время. Если бы я пришел без револьвера или он не смог бы его подменить, они просто изменили бы свои планы. Должно быть, он дал ей сигнал, что мой револьвер у него в кармане.

В холле отеля их встретили два представителя бостонской полиции, и на лифте они поднялись к номеру, который занимал Макс Томпсон. Флетчер постучал, а когда открылась дверь, увидел знакомое лицо доктора Феликса Турсби. Усы, правда, исчезли, но вот длинные пальцы хирурга, о которых упомянул Имми Фонтанн, остались. Пальцы не врача, а карманника.

— Вы поедете с нами в полицейское управление, и мы зададим вам несколько вопросов, — сказал Флетчер, после чего бостонские детективы зачитали Турсби его права.

Турсби обвел усталым взглядом пришедших и чуть улыбнулся, увидев державшегося сзади Леопольда.

— Она говорила, что вы умны. Она говорила, что вы — умный коп.

— Вы ее убили? — спросил Леопольд.

— Нет. Я просто держал ее самопал, а она нажимала на спусковой крючок. Она все сделала сама, кроме подмены револьвера. Очень уж она вас ненавидела.

— Я знаю. — Леопольд уставился в дальнюю стену. — Но, полагаю, себя она ненавидела ничуть не меньше.

Перевод с английского **ВИКТОРА ВЕБЕРА.**